



Никита Романов

ПУТЬ ЮНОШИ

2017

12+

Никита Романов

Путь юноши

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Романов Н. Д.

Путь юноши / Н. Д. Романов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Первая часть серии "Путь Рыцаря". История о юноше, всю жизнь идущем к мечте. В совсем юном возрасте Роберт стал сиротой, но его приютила одна добрая крестьянка. Не имея дворянской грамоты и будучи простым сиротой-крестьянином, мальчик мечтает стать рыцарем.

© Романов Н. Д., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

I. Моё имя Роберт

На дворе XIII век, а точнее 1211 год, 12 сентября, четверг. Беатриса считает мою манию к точному счету, включая до дней недели, дурным тоном. По ее словам, кроме меня никто этим не занимается, все пытаются жить лишь делом, не теряя драгоценное время на счет дней. Несмотря на все упреки, я нисколько не прислушиваюсь к ее словам, веду свой собственный календарь на древесном пергаменте, мне никогда не уговорить ее купить настоящий календарь с рисунками, показывающий значения каждого месяца. Моя привычка и до того прилично ее достает, а что еще хуже, настоящий календарь продается на вес золота. Август, к примеру, месяц, во время которого случаются разнообразные беды. И так описан каждый из двенадцати месяцев, только в виде рисунков. Правда, я никогда их не видел, этих календарей, только Беатриса рассказывала. Она и показать их мне не соглашается, сходить к какому-нибудь знатному купцу взглянуть лишь глазком не позволяет.

Несмотря на то, что моя единственная мечта для нее пустой звук, я ее очень люблю. Как меня известили, я сирота. Родителей не помню совсем. Беатрис говорит, что нашла меня во дворе, когда ходила с другими женщинами на рынок, и до того я был мал и симпатичен, что не удержалась и взяла в дом. Так она и заботится обо мне с тех самых пор, когда мне было года два. Сейчас же мне двенадцать зим отроду. На заднем дворе Беатрис стоят пчелиные ульи, там же она выращивает и разводит всякие душистые, ароматные травы, которые необходимы ей для того, чем она зарабатывает на пропитание, а именно – изготовление свечей и разных ароматных эссенций. Я помогаю Беатрис поливать и удобрять ее грядки, а потом и собирать урожай. Также она выращивает красные розы, пропитания от них никакого, зато красоты они ангельской. Каждый лепесточек, словно луч закатного летнего солнца. Смотря на них, понимаешь, что и теплом они одаряют ни меньше, ни больше. Темной морозной ночью можно согреться, лишь взглянув на них один разок. И как ни иронично, чем больше вглядываешься, тем больше тепла ощущаешь вокруг себя. Думаю, именно за это Беатрис их и любит. **II. Дядя Вильям.**

Сегодня 20 сентября, пятница. С нашей последней встречи прошла целая неделя. Все розы Беатрисы завяли, понятное дело, уже осень, конец сентября. Вроде как, ничего и не произошло, но для той женщины, что я люблю как родную мать, это было великой потерей. Я очень хотел ей помочь, чем мог, но к превеликому сожалению, не имел никакого понятия чем. Она очень впечатлительная женщина для здешних мест, слезы льет уж как второй день. Я даже не спал, до того беспокойно мне слышать ее горе, что сон обошел меня стороной.

Чуть только Беатрис успокоилась, мы отправились к местному кузнецу. При прополке грядок, сломалась последняя мотыга и с тех пор мы нуждаемся в новой. Мама знала его еще с детских пор, и он понимал, что мы небогатые крестьяне и продавал нам необходимое за треть цены или обменивал необходимое нам на свечи, изготовленные Беатрис.

Когда мы вошли, кузнец нас даже не приметил. Человеком он был старым, десяток уж шестой, поди, разменял. Так он был занят работой, так увлечен любимым делом, что даже глазом не воротил. Сама кузница была невелика. Куча всяких деревянных столиков, стульев, куча вещей, валяющихся без дела, в общем, настоящий творческий беспорядок, как всегда Беатрис говорила о своем шкафе с продуктами. Сам кузнец стоял у наковальни, что-то ковал, это было похоже на решетку, но удостоверить точно не могу. За спиной мастера располагался очаг, или как его называла мама, горн – место для разведения или поддержания огня. Наконец-то мастер решил передохнуть и сразу заметил нас.

– Доброго дня вам, Беатрис, очень рад вас видеть. – Поклонился кузнец, важно задрал голову. – Вы давно не заходили. Что-то сломалось? Подождите, а кто этот ваш маленький друг? – Сев на корточки, кузнец почти доставал до моей головы, дядькой он был огромным. Его дряблая жесткая рука выскочила из запачканного рукава льняной рубахи и направилась ко мне. – Мое имя – Вильям. Как величать вас, юный сударь?

– Мое имя – Роберт. – Я неуверенно пророкотал и протянул свою маленькую ручонку на съедение этой огромной ручище. Вильям пожал мою руку, не так сильно, чтоб было больно, и не так слабо, чтоб я не почувствовал.

– Очень приятно, Роберт. Имя-то у тебя какое хорошее. Я таких раньше и не слышал. Будешь, значит, Робертом Великим – единственным Робертом в стране. Уж мне, старому мастеру, ты, сынок, можешь поверить. Где я только ни был, куда я только ни ездил, и в самых мельчайших уголках страны я не слышал такого чудного имени. – Все не умолкал старик, продолжая меня нахваливать, ни пойми за что, но буду честен, это было приятно.

– Вильям, как так можно, молодого юношу и при даме расхваливать, почестями покрывать, вам не стыдно? – негодовала Беатриса.

– Очень стыдно. Прошу прощения, ваша светлость. – Вильям довольно резво встал с ног после разговора со мной и вновь пал на колени, явно лстя моей кормилице.

– Извинения приняты. – Пролетела Беатрис нежным-нежным голоском и растворилась в грациозном книксене. Я и не знал, что она на такое способна, ей-богу, не знал! – А теперь к делу, Вильям. Пришли мы просить у тебя мотыгу, моя последняя поломалась при вспахивании одной из грядок. Удостоишь ли ты нас такой чести?

– Чего ж не удостоить? Такой прекрасной даме с таким прекрасным пареньком и в дар отдать не жалко. – Весело выговорил Вильям.

– Нет-нет, заплатить я обязана. Любая услуга должна быть оплачена, если она сделана по правилам. А если же ты не в силах оплатить услугу, то не заказывай ее. А я, к счастью, пока что в силах, и могу оплачивать ваши услуги без чьей-либо помощи. – Важно выговорила мама, которую я доселе считал совершенно другим человеком.

– Вы совершенно правы, мисс. Если у вас все, то вы можете ступить. Но попрошу оставить мальчика, я способен разглядеть его насквозь, у него аж глазки загорелись, так ему охота узнать, что здесь и как. – Сказал Вильям, вновь наклонившись ко мне.

– Да, вы правы, я тоже заметила у него этот животный магнетизм к вашим игрушкам. Вы знаете, где находится мой дом, верно? Я могу вам доверять, он будет в доме до заката?

– Несомненно, миледи, вы можете мне доверять. Я еще не знаю этого мальчика, а уже, лишь окинув взглядом, полюбил его как родного сына, о котором так всегда мечтал. Я обязуюсь отвечать за него своей головой. Вы можете мне доверять. – Заявил Вильям, уже мечтая научить меня всем своим кузничным премудростям. Я и сам, вправду, мечтал об этом.

– В таком случае, я вас покидаю. Роберт. – Окрикнула она меня и, поклонившись, ушла.

– Твоя мама – чудесная женщина, заботься о ней, будь добр. Ты же будешь заботиться о родной матери, верно? – Поинтересовался любопытный кузнец.

– Она не моя родная мама. – Немного погрустнев, ответил я.

– А какая же тогда, если не родная? – Удивился старик.

– Она нашла меня, когда я был совсем маленьким, мне было года два, я томился у ее дверей. И до того, говорит, был мил и мал, что не удержалась и взяла в дом.

– Тебе было года два, верно? А сейчас уж пятнадцать отроду, так? – Лъстиво спросил кузнец.

– Нет, мне всего двенадцать. – Слегка улыбнувшись, ответил я.

– Даже если так, даже если тебе двенадцать. Ты только представь, она приютила тебя еще совсем маленького, одинокого. Накормила, напоила, вырастила и воспитала, научила всему, что знала сама, верно? Сам видишь, женщина она незамужняя, небогатая, ремеслом занимается сама. Разве ты не понимаешь, что любит она тебя больше всего на свете. Денег еле-еле хватает на себя, а она еще кормит и поит тебя. Растрчивает на тебя все свои заработки, работает ради тебя, чтоб ты никогда не оставался голодным, чтоб тебя никогда не мучила жажда. Я тебя прошу, Роб, запомни слова старого мастера. Семья не та, где твоя кровь, а та, что воспитывают и любят тебя, как родного. И мать точно не та, что родила тебя. Мать та, что выучила, воспитала и полюбила тебя всем своим сердцем. Умоляю тебя, запомни эти слова на всю свою жизнь, хорошо? И больше никогда не смей никому говорить, что Беатриса не твоя родная мать. Она твой самый родной человек, она любит тебя больше жизни, а ты о ней так постыдно отзываешься. – Закончив речь, Вильям встал с колен и тяжело вздохнул.

Я не знал, что сказать. Меня переполняли всевозможные эмоции. Я чувствовал и стыд, за сказанное, и любовь к маме, что воспитывала меня всю мою жизнь. Мои глаза наполнялись слезами, и я не знал, что делать. Найдя нужные слова, я все же сказал.

– Дядя Вильям, спасибо вам большое за такие слова. Как вы и просили, я запомню их навсегда. Я не должен был так отзываться о маме. Она любит меня, растит, кормит, а я... – Слезы сами наворачивались на глаза. – Спасибо вам большое. – Подбежав к Вильяму, я впал в его крепкие объятия. Доставая ему лишь до живота, я мочил его рубаху своими слезами, но его это, кажется, совсем не тревожило. **III. Белогривый жеребец.**

С нашей последней встречи прошло четыре года. Мы также как и прежде, потихоньку живем, по-прежнему выращиваем ароматные травы, пасем пчел. К своему ремеслу Беатриса припахала и меня. Теперь я тоже выжимаю эссенции из лепестков цветов. По правде, меня и заставлять не надо, сколько раз я уже ей и вам говорил, что люблю ее больше жизни, она приютила меня, вскормила, вырастила, я навеки ей благодарен. Верю, что когда-нибудь я смогу одарить ее всем, чего она желает, чего она поистине достойна. Она не в силах покупать одежду, в которой желает прожить тягость дней, ее заработок ужасно мал. Верю, что найду себе великое призвание, которое поможет мне сделать наш мир, нашу страну, хоть немного лучше.

Свободное же время я просиживаю в своей комнате. Сам дом состоит из двух этажей. На втором этаже всего две комнаты, моя и мамина. Комнаты совершенно одинаковы, по углам расставлены кровати, стены занимают небольшие окна, на полу располагаются шерстяные ковры.

Будучи чуть поменьше, на этих коврах я высчитывал дни, протыкая ткань деревяшкой. Теперь смотря на дырки, я вспоминаю свое «веселое» детство. На первом этаже находится лавка Беатрис, куда и заходят покупатели за эссенциями, свечами, а бывает и вовсе за медом. Малая часть этажа уделена скромной кухне. Посередке стоит небольшой круглый столик и два стула, а на стене висит навесной шкаф с продуктами, где у мамы пожизненный творческий беспорядок.

Живем мы за городом, в город выбираемся совсем редко только если за продуктами. Разумного предназначения я для себя не сыскал, но частенько заскакиваю в кузницу к старому дяде Вильяму, помочь, чем смогу. На этой же неделе было много работы с эссенцией, и целых два дня я не заходил помочь старику. Сегодня, решил, стоит зайти, пока дел нет.

Внешне кузница все та же, что и четыре года назад. Лишь одно претерпело изменение, что ввело меня в великое заблуждение. Неделей ранее, здесь не было никакой деревянной оградки, и никакого белогривого прекрасного коня тоже не было. Скакун цокал копытами, желая выбраться на волю, надыхаться свежим дуновением ветра на бегу, размять могучие ноги, повилять шикарной гривой.

Лишь стопа моя коснулась порога, Вильям тут же оторвался от работы и заговорил.

– Робби, сколько лет, сколько зим! – Обрадовался кузнец, крепко-накрепко пожав мне руку, хватка его, надо сказать, ничуть не ослабла. – Тебя давно не было, где пропадал?

– Извини, было очень много работы, все не мог выйти из дому.

– Не надо извинений, Роб, я все понимаю, семейное дело. Матери нужно помогать и заботиться о ней, ты поступаешь совершенно верно. – Выдохнул кузнец. – Уже видал скакуна моего белогривого?

– Как же такой красоты не увидеть?! Ты где его отыскал, ничейный поди?

– Еще как чейный! – Похвастался старик. – Помнишь те решетки, что ковали на прошлой неделе? Так вот, их заказал знатный вельможа, со средствами в миг оплаты было туго, вот и заплатил он мне конем. Ну а я и размышлять не стал, сразу согласился. Думаю, Бенджамином звать, как думаешь?

– Бен – отличное имя для такого лучезарного скакуна, я считаю. Я к нему как в загон ни гляну, так жутко становится. Ты его-то на волю хоть отпускаешь? – С неподдельным удивлением поинтересовался я.

– Конечно отпускаю, как иначе-то? Только с делами заканчиваю, и сразу калитку раскрываю. Сажусь верхом и галопом по полю. А скачет-то он как, ты бы знал! Словно неистовый дракон, настолько быстро гонит, ты не поверишь! – Весело разъяснял Вильям.

– «Дракон»? Это такая летающая, змеевидная сказочная тварюга?

– Да, а еще эта тварюга изрыгает пламя прямо из пасти, неужели не слыхал о них? – Удивился старик, словно считая этих драконов чем-то невыдуманым талантливыми сказочниками.

– Ты говоришь, будто они существуют. Это шутка, верно?

– Шутка? Мальчик, о шутках и речи быть не может. Драконы существуют. Самому увидеть не довелось, а вот прадед одному наиболее свирепому зарядил прямо по крылу чугунной стрелой. – Рассказал Вильям, точно доверяя словам прадеда.

– Мать рассказывала мне о них перед сном, пугая тем, что они прилетят и поджарят наш дом, если я не усну в течение получаса. Но я и думать не мог, что они действительно существуют. Ты и вправду не шутишь?

– Словам прадеда я доверяю как своим, он был отличным честным человеком, добившимся всего в жизни своими собственными силами, без чьей-либо помощи. – Пояснил кузнец, от которого так и веяло гордостью за бывшего родственника. – Про них рассказать ничего не могу, сам не видел. Но точно знаю, что на свете водятся.

– Я тебе верю, мы так давно знакомы. Не таи обиды за любопытство, но я и подумать о таком не мог, что они бывают. Но раз ты говоришь, что есть, значит, есть. Впредь буду опасаться. – Пообещал я.

– У нас в стране такого нет и в помине, только за рубежом, так что, можешь не опасаться. – Обрадовал меня Вильям. – Пойдем во двор, конь уж скоро подковы двинет от скуки, а мы тут болтаем. Поверь, в езде верхом есть очень много интересного, если понравится, возможно, ты посвятишь этому всю свою жизнь. – Поведал Вильям, по-отцовски не без труда приобняв меня за плечо. Когда-то я говорил, что он велик ростом. Но за последние четыре года я неслабо вымахал и теперь был ростом с него, если не выше.

Открыв калитку, и взяв Бена за поводья, Вильям вывел его из загона. Только попав за пределы клетки, Бенджамин встал на дыбы и громко-громко заржал. Кузнец только ухватился за поводья сильнее и умирил коня. Попросив поддержать, Вильям оперся на стремя и забрался на скакуна. Седло из коричневой кожи покрывало спину могучего коня, а оголовье закрывало всю симпатичную морду.

– Ну что, Бенджамин, полетели! – Взревел Вильям и ударил вожжами. – Догоняй! – Бро-сил он мне прощальный крик в дорогу.

Я погнался за ними, что есть мочи, бежали в сторону ржаного поля. Исчерпав всю силу, я не оказался ближе к ним, казалось, они только отделились. Бушующее дуновение ветра на бегу ласкало мое лицо, развевало мои волосы. Давно я не чувствовал себя таким свободным, бегу по полю, как мне казалось, со скоростью света, не замечаю людей идущих или же только собирающихся идти на рынок. Давно я просто не бегал, а как же это на самом деле прекрасно, просто бежать, перематывая жизнь, все идет своим чередом, а я бегу, обгоняя всех, кроме Вильяма и Бенджамина. Вдруг они остановились, и я побежал быстрее прежнего, а догнав, оперся на седло и стал возбужденно дышать, глотая громадные глотки воздуха.

– Ты был прав, это не конь, а настоящий дракон. – Наконец-то согласился я, увидев настоящую скорость.

– Вижу по глазам, жаждешь оседлать, хоть и не умеешь, верно? – Поинтересовался Вильям.

Я кивнул, с тягостью опуская голову, видимо, я очень давно не бегал. С этими эссенциями скоро совсем превращусь в женщину, так что дело дойдет и до пышных платьев.

– Аккуратно хватайся за седло, и ставь ногу на стремя. Затем отталкивайся и залезай. – Объяснил милый кузнец.

Получилось у меня не сразу, но спустя несколько попыток, я все же забрался, сам тому не веря. Я, конечно, и сам был не мал ростом, но здесь, верхом, высота была невообразимая, я даже немного боялся, разумеется, не выдавая своего страха.

– Держись крепко, а я вас поведу. Пару деньков будем просто гулять шагом, а к концу недельки попробуем пройтись рысцой.

– Рысцой – это как ты? – Боязливо поинтересовался я.

– Нет-нет-нет, мальчик мой. Рысца – это легенькая пробежка. А мы с Бенджаминем гнали настоящим галопом. До него тебе еще долго. Пробовать будем не раньше чем через месяц, если ты, конечно, не трусишь. – Пролетел добрый старик, держа Бена за поводья, медленно шагая вперед.

– Я никогда не трушу! – Дерзко заявил я.

– Не забывай, мальчик, я вижу тебя насквозь. – Усмехнулся Вильям, одарив меня улыбкой, полной добра и любви. – Ты боишься даже сейчас, хоть мы и не бежим, просто шагаем. – Теперь уже Вильям смеялся в голос.

– Говоришь, я боюсь? – Я оперся ногами в стремя и крепко ухватился за поводья. – Тут ничего сложного, верно? Я же видел, как ты бежал. Нужно нагнуться, опереться в стремя и ударить по вожжам.

– Роб, не смей этого делать, мы еще на рысцу не перешли, а ты хочешь выйти на галоп, так нельзя! Ты расшибешься в лепешку, твоя мать мне этого не простит! Виноват будешь ты, а влетит мне! Я шучу, я боюсь за тебя, Робби, не делай этого, ты упадешь! – Предупредил Вильям, но я, к сожалению, не прислушался к его словам, и как только он договорил, я ударил по вожжам.

Бенджамин скакал неописуемо быстро, я действительно не могу описать его бег, кроме полета никак и не назовешь. Ветер бил по лицу, по груди и спине. Меня трясло, я не мог удержаться на седле. Бенджамин все не сбавлял ходу, а даже ускорялся с истечением каждых пяти секунд. Скорость была невыносима. Я бы уже все отдал, лишь бы остановить эту бешеную скачку, да хоть душу дьяволу продать, будь такая возможность! Кажется, я видел, как Вильям это делает, нужно всего лишь резко потянуть за вожжи, что я и сделал, очень зря. Бен резко остановился, а я, забыв опереться на стремя, кубарем перелетев через голову коня, больно упал на спину. Благо, земля была мягкой, спасибо, что хоть живой.

– Живой?! – Удостоверился догнавший нас Вильям. – Должен признать, это было очень даже неплохо. – Он протянул мне руку и помог встать. – Сам я первый месяц учился бегать рысцой, а ты сразу вышел на галоп, я очень потрясен, Роб. Да что там, черт побери, у тебя почти получилось затормозить на такой скорости, ты всего-то забыл опереться на стремя, так?

– Да, всего-то. – Устало пролепетал я. – Не думал, что выживу после такого.

– Да ладно тебе, и не после такого выживали. Не после такого еще выживем. Кстати, о призвании в жизни, о коем я упомянул по выходе из кузницы. – Вильям взял Бенджамина за поводья, и через все поле, что мы сегодня пробежали, мы устало побрели к кузнице. – Давным-давно, если ты помнишь, я уже спрашивал тебя об этом, но ты затруднялся с ответом. Сейчас желаю поинтересоваться еще раз, чего же ты хочешь от этой жизни, Роб? Нутром чую, что изготовление эссенции и свечей тебе не по душе.

– Я хочу служить своей стране, своему королю. Хочу защищать добрых путников от злых разбойников и чудовищ, хочу сделать нашу страну лучше. Уже давненько я хочу податься в рыцарство, оттого и прошу твоего совета, как мне быть и что делать? – Без шуток, с серьезными намерениями, спросил я.

– Перво-наперво, любой рыцарь должен владеть мечом, а то как же ты будешь защищать добрых путников? Затем, рыцарь должен освоить езду верхом, в чем ты делаешь большие успехи. – Усмехнулся Вильям. – Мой дед был рыцарем, так что, сынок, на этот раз ты попал на ту улочку. Я обо всем тебе расскажу, чему смогу, научу. Заходи завтра, или на неделе. Мы еще обсудим это. – Пообещал кузнец, открывая калитку в загон. Я завел Бенджамина и нежно погладил по белоснежной гриве. – Теперь, юноша, с коня должно снять седло и протереть насухо его могучую спину.

– И ты хочешь, чтобы это сделал я, верно? – На всякий случай переспросил я.

– А тебя, значит, лень одолела, да? Покататься он покатался, а отблагодарить коня не желаешь? Рыцари так не поступают, они привыкли за все отвечать. Конь прокатил тебя, проскакал галопом как миленький по твоему свисту, твоя обязанность – отблагодарить его. – Объяснил Вильям.

– Хорошо, хорошо, я, конечно, отблагодарю его. У тебя есть ведро с водой? – Поинтересовался я.

– Корыто я притащу, а ты сними с него седло и оголовье. Все снаряжение занеси в кузницу, сложи на стол. – Попросил Вильям и, взяв ведро, побрел за водой.

– Эх, Бенджамин, славный ты конь!.. – Простонал я, снимая с него седло. – Надеюсь, мы с тобой поладим, хоть мы вроде уже и подружились, верно? Славно мы с тобой поскакали, а какой ты быстрый, как сверкали копыта во время галопа, ты действительно быстрее всех летающих драконов, как и говорил Вильям. – Сняв оголовье и седло, я погладил коня по гриве, а затем за ухом, жеребец благодарно заржал. – Стой здесь, никуда не уходи, хорошо, я занесу снаряжение в кузницу.

Занеся снаряжение, и уже выходя из кузницы, я заметил Вильяма, еле-еле волочашего полное ведро воды. Перехватив ведро, я сразу же спросил.

– Что случилось?

– Возраст, вот что. Возраст уже не тот, такие тяжести таскать. Тут не меньше десяти литров точно! Ты занес снаряжение? Хорошо, теперь хорошенько вычисти Бена.

Зайдя с ведром в загон, я отлил немного воды, а остальное поставил ему, чтоб он хорошенько напился, насыпал ему овса и пока он был занят делом, сам приступил к чистке. Влажной губкой обтер его, умыл морду, ноги, даже почистил копыта, а на прощание погладил по белоснежной гриве.

– Спасибо, сынок. Ты молодец, сам позаботился о коне. – Поблагодарил Вильям.

– Мне не нужны твои благодарности. Мы знакомы давно, ты научил меня многому, ты мне как отец, и помогать тебе мне только в радость.

– Я тоже люблю тебя, Роб, как родного сына. Верю, ты станешь сильнейшим рыцарем во всей стране. Скоро мы начнем тренировки, ну а сегодня отдыхай, приходи завтра или на неделе, как будет время. – Сказал Вильям и похлопал меня по плечу.

– Ты бы тоже лег вздремнуть, неважно выглядишь, тебе нужен отдых. – Сказал я.

– Поверь, сынок, я бы с радостью вздремнул, только вот работа не ждет.

– Плевать на работу, ты трудишься от рассвета до заката, ты имеешь право на отдых! Если надо сковать решетки, доверься мне, завтра с первым лучом солнца я явлюсь к тебе и все сделаю! – Пообещал я, искренне желая помочь любимому человеку.

– Хорошо, Робби, я подумаю об этом, хорошо? – По-доброму улыбнулся старик. – А сейчас ступай, передавай маменьке весточку от меня.

– Весточку передам, но с места не сдвинусь, пока не дашь слово, что сегодня ты отдохнешь.

– Хорошо, я даю слово, ступай, Роб.

Я похлопал Вильяма по плечу и направился в сторону своего небольшого домика. На старика было тяжело смотреть, да и без слез-то не взглянешь. Я искренне надеялся, что он сдержит обещание, хоть и знал в глубине души, что от дела он не в жизнь не отступится, будь на кону даже собственное здоровье.

Сегодня был насыщенный день, я слетел с коня на огромной скорости, едва избежал смерти и понял, что Вильям – тот человек, который заменит мне отца. **IV**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.